



РАДА
ВОЙЦЕХОВСКАЯ

Воспоминания +
авторское расследование

**ХУДОЖНИК, МУЗА
И ЧУМА ДУШИ**

16+

Рада Войцеховская

Художник, Муза и чума души

<https://litres.ru/55732193>

SelfPub; 2026

Аннотация

23 декабря 1959 года из зарубежной творческой командировки в Египет вернулся заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат двух Сталинских премий Алексей Алексеевич Кокорекин. Вечером того же дня ему стало плохо, а через шесть дней он скончался в Боткинской больнице. Правильный диагноз врачи смогли ему поставить посмертно и практически случайно чёрная оспа. В начале 2020 года в Китае, а затем и во всём мире вспыхивает эпидемия коронавируса, и история с А. Кокорекиным мгновенно попадает во все российские СМИ, интернет и энциклопедические ресурсы. Однако обстоятельства его смерти и последовавших за ней событий оказываются искажены до неузнаваемости. Кому и зачем понадобилось исказить обстоятельства предотвращения эпидемии чёрной оспы в Москве? Автор книги проводит своё авторское расследование.

Содержание

Правда, ничего, кроме правды	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рада Войцеховская
Художник, Муза
и чума души

*С любовью посвящается Ольге Дмитриевне
Кокорекиной*

Правда, ничего, кроме правды

С самого начала официально объявленной эпидемии коронавируса в интернете и СМИ кругами гуляют статьи о художнике Алексее Кокорекине. В 1959 году он вернулся из зарубежной поездки, в которой заразился чёрной оспой и умер, из-за чего в Москве чуть не началась эпидемия экзотической болезни. Главный смысл статей – это усиление карантинных ограничений и запугивание населения: «Мир уже никогда не будет прежним!» А также пафос, страх и желание авторов прославиться на животрепещущей теме. «Смотрите, как это страшно – смертельная болезнь!..» – восклицают одни. «Смотрите, какую страну мы потеряли!» – восхищаются другие. Все авторы проводят прямые аналогии нынешней эпидемии с трагической историей шестидесятилетней давности, а заодно порочат доброе имя художника и его жены. Оно не удивительно – кризис в каждом проявляет самые глубинные импульсы, высокие или низкие – «сие зависит», как говорят англичане.

Теперь, когда все, кто мог, уже высказались, я расскажу, как оно было на самом деле... Ничуть не умаляя заслуги специалистов, предотвративших эпидемию, я расскажу, как, спасая страну, калечили людей, которых спасали, как в газетах устраивали травлю ни в чём не повинных жертв болезни, и как поднимали себе рейтинги на чужом горе. Можно, ко-

нечно, сослаться на щепки, которые всегда летят, когда рубят лес. Но жизни людей – это не щепки, и осознанная клевета – не рубка леса. Тем более сейчас, когда Мироздание (и подсознание) каждого проверяет – кого на устойчивость и осознанность, а кого – и «на вшивость», ссылаться, образно выражаясь, на неизбежные потери в священной войне означает обесценивать человеческие жизни и присоединяться к тем силам, которые их изначально ни во что не ставили. Иными словами, если кто-то думает, что утопив другого, он окажется сверху и выплывет, он сильно ошибается.

Так уж случилось, что на сегодняшний день я одна из тех немногих, кто действительно имеет моральное право писать о семье Ольги и Алексея Кокорекиных. Хотя бы потому, что Ольга Дмитриевна была для меня членом семьи и бесконечно дорогим, любимым и уважаемым человеком. Не будет преувеличением сказать, что и родилась-то я во многом благодаря ей. Во-первых, потому, что встретились и «спроектировали» меня мои родители в её доме на берегу моря, в маленькой абхазской деревне с романтическим названием Колхида (та самая легендарная Колхида, куда плавала команда Одиссея за золотым руном). Во-вторых, когда моя мама всерьёз задумалась, что делать с плодом безумной, но непредвиденной любви, именно ОДэша, (как её звали в семье по первым буквам имени), посоветовала оставить меня на этом свете. С тех пор я здесь. Ну, а в-третьих, потому, что я многое помню, а то, чего не помню в силу возраста, могу под-

твердить документами из семейного архива. Кроме того, живы и другие члены семьи со стороны второй жены А. Кокорекина.

Несмотря на дальность нашего родства, Ольга Дмитриевна по сути заменила мне обеих бабушек и дала то, чего не смогли дать родители – безусловную любовь и безусловное уважение. Ближе всего ей подошло бы определение «Фея-крёстная» или просто «Муза». Именно Ольга Дмитриевна благословила меня на живопись маслом, передав эстафету от Алексея Кокорекина: подарив оставшиеся после него художественные принадлежности – этюдники, холсты, кисти, краски, тубусы для холстов и прочее, что он привозил из зарубежных командировок.

Когда её не стало, я год не могла поверить в произошедшее, и каждый раз, оказываясь недалеко от улицы Усиевича, где она жила, ловила себя на мысли: «Надо зайти к Ольге Дмитриевне!» А потом вспоминала, что зайти уже невозможно...

Сейчас разнообразные источники, претендующие на научность и документальность, перепечатавают друг у друга слухи, сплетни и откровенное враньё о чете Кокорекиных. И уважаемая «Википедия» в их числе. Не говоря уже о менее авторитетных сайтах и авторах, черпающих вдохновение в нынешней ситуации и пописывающих злободневные статейки на эту тему. У меня, в отличие от них, есть доказательства своих слов – это сохранившиеся в семье документы, фото-

графии, письма, книги, статьи из газет и картины с датой создания и подписью их автора. Да и собственные воспоминания живого свидетеля – это тоже с юридической точки зрения доказательство.



Алексей Кокорекин, «Автопортрет», 1938 г., 26,5 x 37 см, картон, масло.

Итак, с чего всё началось?

С того, что в 1959 году 53-летний художник-плакатист, дважды лауреат Сталинской премии Алексей Алексеевич Кокорекин поехал в творческую командировку от СХ РСФСР в Египет, где заразился чёрной оспой и по возвращении в Москву скоропостижно скончался. В Египет, вы не ослышались.

И чтобы сразу обозначить остроту темы, в течение последующих нескольких лет не сходящей со страниц газет и бурлившей в сознании современников, начну с отрывка из статьи Аркадия Ваксберга. Статья называлась **«Человек и его репутация»** и была опубликована в «Литературной газете» от 14 апреля 1962 г. № 45 (4478).

Человек и его репутация

«...Всемирно памятна трагическая история, случившаяся в Москве два года назад. Известный советский художник К. "привёз" из Индии оспу и сам стал жертвой этой тяжелейшей болезни. Многие годы наши врачи не сталкивались с ней лицом к лицу, и, возможно, поэтому им не удалось сразу поставить правильный диагноз.

Тем временем множество людей, так или иначе общав-

шихся с К., стали переносчиками инфекции. Возникла реальная угроза эпидемии. В город пришла беда...

"В город пришла беда". Так молодой литератор Александр Мильчаков назвал свою повесть, которую недавно напечатал в журнале "Москва". Ещё раньше этот же автор опубликовал в журнале "Смена" очерк – "По следам "Вариола Вера". И очерк, и повесть – об одном и том же: о том, как оспа обезврежена и побеждена.

Конечно, триумфальная победа советской медицины над грозившей вспыхнуть эпидемией достойна воплощения в художественных образах. Но детективная мелодрама А. Мильчакова, к сожалению, не сумела, как мне кажется, достойно воспеть этот подвиг советских врачей. Впрочем, я, собственно, не собираюсь рецензировать повесть. Я упоминаю о ней по другому поводу.

Чтобы никто не подумал, что имеет дело с авторским вымыслом, с неким художественным обобщением, повесть снабжена эпиграфом: "Эти события произошли в Москве в январе 1960 года. Все вы были их участниками. Изменены **только** (выделено мною. – **А.В.**) подлинные имена героев этой истории".

Этот эпиграф – не только погоня за сенсацией. Он – пропуск на журнальную полосу, призванный в какой-то мере искупить художественные просчёты повести, возбудить читательский интерес напоминанием о нашумевшей истории, участниками которой были москвичи. Но что сделал автор с

главными участниками трагической истории – художником и его женой?

Со страниц повести встают образы стяжателей, хапуг, прохиндеев, бесконечно далёких от искусства, от духовных, творческих интересов, целиком погрязших в болоте приобретения. Не раз и не два заводит автор разговор о дорогой мебели, заграничных коврах, роскошном телевизионном комбайне, "костюме из Калькутты", "золотом товаре" – вот, мол, мирок, в котором жила чета К.! Вот, мол, к чему сводились все их интересы!..

В очерке он без обиняков заявляет, что жена художника «очень дорожила» вещами и «страсть» к ним «оказалась сильнее разума и чувства долга». В повести это оживлено её монологом: «Я всю жизнь, всю жизнь собирала, копила... – Она обводит руками заставленную дорогими вещами комнату. – Всё, всё пропадёт!..» Монолог дополняется авторскими ремарками: жена художника то и дело "громко взвизгивает", "истерически продолжает", "истерически целует холст", "бестолково бегаёт по комнате"... И всё это, как свидетельствует эпиграф, рассказ о **живом, реальном** человеке. Человеке, на долю которого выпало большое горе. Какой же должна быть эта женщина законченной злодейкой, чтобы в подобных обстоятельствах советский литератор имел моральное право пригвоздить её к позорному столбу?.. Сколь весомы должны быть доказательства её вины, чтобы утверждать перед современниками и перед историей (а борьба с

"Вариола Вера", думается, войдёт в историю), что жена погибшего художника – и именно в этом "гвоздь" сенсации – **сознательно** ставила на карту жизнь многих людей ради своих тряпичных интересов!

Но доказательств нет никаких. Есть несколько справок, заботливо собранных А. Мильчаковым (вот уж странное занятие для литератора – собирать справки, порочащие "прообраз" героя), которые ничего не утверждают и не подтверждают. В них говорится, что велись розыски каких-то вещей, проверялись чьи-то доносы.

Всё это ничего не дало: **в возбуждении дела за нарушение правил борьбы с эпидемиями было отказано. Никаких поспешно сбытых заразных вещей не нашлось.**



Арка́дий Ио́сифович Ва́ксберг [11 ноября 1927 – 8 мая 2011] – советский и российский адвокат, писатель, прозаик, драматург, публицист, киносценарист, кандидат юридических наук.

Да, жена художника вскоре после его смерти уехала в Ленинград. Право, надо быть уж очень подозрительным человеком, чтобы найти в этом криминал. Одинокая женщина, на которую внезапно обрушилось несчастье, едет к матери, чтобы самые первые, самые тяжёлые дни своего горя провести с близкими ей людьми. Этот естественный человеческий

поступок А. Мильчаков именуется языком милицейского протокола, как "бегство в неизвестном направлении". **Он не договаривает, что в то время ещё не только не был установлен карантин, но даже не было диагноза болезни, и никто не подвергал жену К. в связи с вспышкой оспы ограничениям в передвижении.**

Если даже произведение А. Мильчакова было бы шедевром, оно всё равно заставило бы меня выступить. Потому, что наша литература никогда не приносила человека в жертву литературному замыслу. А для того, чтобы воспеть мужество наших врачей, санитарок, лётчиков, милиционеров, шофёров – всех тех, кто внёс свой вклад в борьбу с оспой, – вовсе не нужно было оскорблять память покойного художника, обливать грязью его жену. Это жестоко и несправедливо! Кому это нужно? И зачем?

*«Литературная газета» от 14 апреля 1962 г. №45 (4478)
с фрагментом статьи А. Ваксберга «Человек и его репутация»,
из семейного архива.*

Мы пытались задать эти вопросы автору. Он сослался на то, что подлинная фамилия художника и его жены им ни разу не названа – всюду её заменяет буква "К" или вымышленная фамилия Колесниковых. Прелестное объяснение! Со всем как у И. Ильфа и Е. Петрова: "Мы сидели в Севастополе, на Интернациональной пристани, об адмиралтейские ступени которой шлёпались синенькие волны Н-ского моря (мы умеем хранить военную тайну)".

Кстати сказать, мы знакомы пока с двумя Мильчаковыми – очеркистом и беллетристом. Скоро нам грозит ещё знакомство с Мильчаковым-сценаристом и Мильчаковым-драматургом. И всё о тех же самых "К". Но и этого мало. В ближайшее время несчастная женщина будет "взвизгивать" по радио. А что ещё впереди? Жанров много, тема щекочет своей скандальной таинственностью, а "бард" у неё только один.

Доброе имя человека... Его честь... Его достоинство... Это не пустые слова. Это не только личное, но и общественное достояние. То, на страже чего стоит не только наш моральный кодекс, но и кодекс уголовный, и кодекс гражданский.

...В своё время культ личности создавал почву для чиновного равнодушия к отдельной человеческой судьбе, к доброй

репутации честного человека. Кляузник, подхалим, завистник, приспособленец мог иногда ославить человека, пустить про него подлый слушок, наклеить ярлык...

Настало другое время. Партия вернула к жизни много незаслуженно опороченных имён. Среди них не только те, кем гордится весь народ, кто составляет его славу и гордость. Среди них и скромные, "простые" люди, в труднейших условиях не запятнавшие своего доброго имени». (Аркадий Ваксберг)



Ольга Дмитриевна Кокорекина, 50-е гг. прошлого века.

Из статьи Аркадия Ваксберга становится понятно, что же не покойного художника, выражаясь современным языком, устроили настоящую травлю в средствах массовой информации, а обстоятельства распространения оспы исказили лживыми домыслами, выдав их за факты. Алексея Кокорекина знала вся страна, от чего он умер – тоже. В своих публикациях А. Мильчаков поменял фамилию Кокорекин на Колесников, но кого он этим обманул? Учитывая эпитафию, в которой сказано, что «Изменены только подлинные имена героев этой истории», публикации Мильчакова можно смело расценивать как клевету. Эта клевета имела далеко идущие последствия. Казалось бы, что может быть страшнее смерти любимого человека? Я тоже знаю, что. Травля, которую устраивает вдове близкое и далёкое окружение. Те, кто такое испытал, знают, что это пережить едва ли не сложнее.

И я искренне признательна Аркадию Ваксбергу за то, что он не прошёл мимо грязи, льющейся на чету Кокорекиных, и вступился за честь незнакомых ему людей во имя справедливости и человечности. Возможно, именно благодаря его выступлению неприглядные сцены с участием жены художника не появляются в фильме «В город пришла беда», снятом в 1966 году по сценарию того же А. Мильчакова. Однако в киноленте всё равно фигурирует мифическая любовница и «мещанский мирок разносчиков заразы». Понятно, что

одной статьи даже такой мощной фигуры, как А. Ваксберг, даже в таком уважаемом издании, как «Литературная газета», недостаточно, чтобы остановить поток слухов и сплетен. Но его поступок требовал определённого мужества и принёс свои плоды.

Да, в статье журналиста присутствует неточность: неверно названа страна, куда ездил художник. Но эта неточность не несёт негатива, это мелочь, в отличие от «пикантных подробностей» личной жизни А. Кокорекина и его жены, опубликованных А. Мильчаковым. С его лёгкой руки грязный вымысел получил статус исторической правды, на которую теперь опираются его последователи. Его цитируют все, кто так или иначе касается темы «Вариола Вера».

Так в своих мемуарах «Воспоминания о прожитой жизни», 2007 г., хирург Ю. В. Шапиро пишет об А. Кокорекине: «Ему довелось присутствовать на сожжении умершего брамина. Набравшись впечатлений и подарков для любовницы и жены, он вернулся в Москву на сутки раньше, чем его ждала жена. Эти сутки он провёл у любовницы, которой отдал подарки и в объятиях которой не без приятности провёл ночь. Подгадав по времени прилёт самолёта из Дели, он на следующий день приехал домой».

Хочется спросить у хирурга Ю. Шапиро – откуда у него «воспоминания» о любовнице Кокорекина и о «приятности» проведённого с ней времени? Может быть, ему умирающий художник на больничной койке лично в этом признался? Но

зачем ему это делать? Ведь ни Алексей, ни врачи на тот момент даже не подозревали о чёрной оспе, диагноз был поставлен художнику *посмертно и совершенно случайно*. Поэтому признаваться в своих контактах ради предотвращения эпидемии Кокорекину было не нужно. Все его контакты начали выяснять уже после смерти и постановки диагноза. В больнице он провёл в общей сложности двое суток и находился в крайне тяжёлом состоянии, так что вряд ли у него была возможность и желание, рассказывать постороннему человеку о своих внебрачных связях. **Да и его ли это был врач? Как у больного гриппом, как тогда считали врачи, мог оказаться лечащий врач – хирург?**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.